

Актеры оперного театра им. К. С. Станиславского

(К гастроллям театра в Ярославль)

Государственный оперный театр им. Станиславского занимает особое место в системе оперных театров СССР. Лицо его определяет не только большая музыкальная культура, свойственная ведущим оперным театрам страны, не только глубоко осознанная ответственность перед зрителем и слушателем. Прежде всего и больше всего театр им. Станиславского хранит незыблемо традиции реалистического искусства, заветные веления мастера и учителя театра, его основателя К. С. Станиславского. Традиции эти могут быть осуществлены только актерами, постигшими глубокий смысл так называемой теории Станиславского, теории сценической правды.

В театре им. Станиславского много прекрасных вокалистов, певцов с большими, красивыми голосами, не ни один из артистов не культивирует свое певческое мастерство как самоцель. Не играющий певец, а поющий актер—вот это главное лицо в театре, несущее с честью и гордостью имя величайшего актера-правдолюбца, оптимиста Константина Сергеевича Станиславского.

Но мало того, что все актеры театра воспитаны на традициях Станиславского, продолжателями его учения—главным режиссером театра И. М. Тумановым, М. Л. Мельтцер, П. И. Румянцевым, сестрой и братом Константином Сергеевичем—З. С. Соколовой и В. С. Алексеевым. Достигнуто еще одно условие, без которого музыкально-драматическое искусство театра не было бы полноценным: ансамбль, творческое сотрудничество актеров-певцов, взаимно обогащающих друг друга в сценической интерпретации образов спектакля. Не каждый только за

себя, а все работают вдохновенно для наиболее полного звучания идол спектакля.

За двадцать лет существования театра в его коллективе выросло два поколения актеров. Оба поколения творчески молоды, активны, жизнерадостны и трудолюбивы. Это и предопределяет художественный уровень спектаклей. Независимо от того: центральную ли роль или эпизодическую исполняет актер, он полностью перевоплощается, ищет гармонию между сценическим обликом и его музыкальным выражением.

Режиссерская разработка спектакля всегда в максимальной степени рассчитана на естественность поведения актера, на большую свободу интеллектуального освещения им роли. Индивидуализация актерского образа достигается учетом всех свойств, присущих тому или иному певцу или вокалисту и драматическому артисту.

Среди актрис театра им. Станиславского хочу остановиться на двух выдающихся исполнительницах многих ролей в русском классическом и советском репертуаре: народных артистках республики М. Л. Мельтцер и М. С. Гольдиной.

Одна из лучших Татьян на советской оперной сцене—М. Л. Мельтцер создает чудесные образы и в «Семене Ботко», и в «Бал-маскараде», и в «Богеме», и других операх репертуара театра. Но ее Татьяна—образ настолько впечатляющий, что и на фоне ярких, по сценической лепке и вокальной отделке, Амелии («Бал-маскарад»), Мими («Богема») запоминается навсегда, как работа, ас-

социирующаяся наиболее легко и полно с заветами К. С. Станиславского.

Татьяна—робкая девушка, глядящая на мир исподлобья, затем пробужденная внезапно вспыхнувшей любовью к молодой, несравненно более богатой душевными переживаниями жизни; Татьяна, переживающая свои первые разочарования, царящая одиноко и гордо в чуждом ей мире светского блеска,—как хорошо, как правдиво Мельтцер передает все эти градации чувства. Сцена письма—все поведение актрисы подсказано ей музыкой Чайковского. Все изгибы настроений обоснованы логикой музыкальной мысли. Движений, жестов почти нет в этой сцене. Все так экономно и, вместе с тем, проникновенно, а бы сказал, вдохновенно передает пушкинский образ, богато освещенный музыкой Чайковского. Мельтцер всеми фибрами своего существа ощущает поэтичность, глубину и лирическую наполненность роли Татьяны. Ей верится на протяжении всего спектакля, ее любовь и уходивший благодарный за унесенное с собой чувство эстетического удовлетворения.

Трагический образ несчастной невесты матроса Царева—Любки в «Семене Ботко», трогательная в своей наивности Мими в «Богеме», правдиво-выразительная в изображении душевной раздвоенности, драматического конфликта между долгом и чувством Амелия в «Бал-маскараде»—Мельтцер, конечно, является выдающейся актрисой не только театра Станиславского, но и всей советской оперной сцены.

М. С. Гольдина наиболее ярко запоминается по созданным ею под руководством Станиславского образам Любаше в

«Царской невесте», Ольги в «Евгении Онегине», Кармен, Марине Митишеч в «Борисе Годунове». Дипломичный, яркий, темпераментный драматический талант ее прекрасно и гармонично сочетается с ярко-чувственным, богатым оттенками тембром ее голоса.

Подлинно трагической высоты достигает Гольдина в передаче образа Любаше. Сложный, трудный образ Любаше, весь сотканный из противоречий, Гольдина воспроизводит мастерски, горячо, с огромным увлечением, непосредственно передающимся в зрительный зал и захватывающим аудиторию.

Контрастный Любаше—безоблачный, капризный образ девушки-ребенка Ольги («Евгений Онегин») так же, как рисунок роли своеобразной горлячки, снисливой красавицы Марины Митишеч, Гольдина передает с великой свободой творческого перевоплощения.

Нежный образ Марфы («Царская невеста»), Лелихон («Дарвазское ущелье»), сытный, драматически яркий облик Софьи («Семен Ботко») — все эти разнообразные роли создает заслуженная артистка К. А. Малькова, обладающая прекрасным голосом, умная и требовательная к себе актриса.

Голосом редкой силы и красоты обладала М. Д. Капниш, создавшая чрезвычайно привлекательный образ Души в опере «Станционный смотритель».

В роли паж—Розины («Бал-маскарад») незаурядные сценические данные обнаружила молодая актриса театра Т. С. Юдина. Уступая в вокальном отношении более опытным исполнительницам этих ролей—Л. П. Борисоглебской и Л. В. Воздвиженской, она выделяется большой подвижностью, подлинным чувством юмора, сценической непосредственностью.

В краткой статье нет возможности даже перечислить всех достойных упо-

минавших актрис театра. Также артистки-солистки, как Шарова и Ерамишанцева, Пучкова и Васильева, Полетикина и Роспичкая, создали за годы своего пребывания в театре немало интересных и запоминающихся образов.

Сильна и вокально и в смысле драматической выразительности мужская группа солистов театра. Хочется отметить замечательное дарование заслуженного артиста Н. Д. Панчехина. В его исполнении такие разные роли, как Борис Годунов, Ткаченко («Семен Ботко») или Базилло («Севильский цирюльник»), обретают черты большой художественной убедительности. Умная, вдохновенная игра, выразительные жесты и мимика, сочный, ясный голос — в комплексе создают явление незаурядное, imponирующее чрезвычайно. Если в «Борисе Годунове» Панчехин особенно убедителен в трагических коллизиях, то, играя ярко и буффонно Базилло, артист наглядно демонстрирует разносторонность своего большого дарования, умение и в области жанра давать настоящую гамму красок. В очень трудной, неблагодарной вокально и сценически роли Ткаченко Панчехин достигает поистине изумительных результатов: четко, живописно, смело, пластически выразительно подает он эту роль, заставляя аудиторию, затаяв дыхание, следить за своей игрой.

В «Бал-маскараде» в роли Ренато показали себя с наилучшей стороны артисты Ю. П. Юницкий и В. Н. Прокошев. Оба обладают прекрасными голосами, оба—замечательные актеры, чутко прислушивающиеся к указаниям режиссуры. Ренато—благородный и рыцарски смелый—таким его изображает Юницкий. Ренато—поступливый в ревности, в состоянии аффекта готовый на любое преступление — таким его играет Прокошев. Два разные граци, два лица од-

ного и того же героя: каждый из актеров обоснованно и соответственно своему внутреннему заданию воплощает наиболее правдиво и убедительно те черты героя, которые находят более характерными и свойственными ему в разные моменты его сценической жизни.

Юницкий памятен как отличный Онегин, гусар Минский («Станционный смотритель»), Прокошев же в этой опере создал совершенно замечательную роль «маленького человека», станционного смотрителя Вырина. Правдивость, реальность, задушевность его облика далеки от сентиментальности. Это чудесный в своей теплоте, подлинно гуманистический образ.

Прекрасное впечатление остается от игры и вокальных данных таких актеров, как заслуженный артист А. И. Орфенов (Ленский, Альмавива, Герцог), М. И. Воскресенский (Самозванец, пограничник в «Дарвазском ущелье»), заслуженный артист С. С. Смирнов (Ленский, Альмавива), П. И. Моисеев (Онегин, Грязной), Д. А. Бедросьян (Собакин, Гремлин), Г. М. Бушуев (Фигаро, Риголетто), Николау (Борис Годунов).

Театр им. Станиславского—театр актерского ансамбля, поэтому, справедливости ради, говоря об актерах, следовало бы назвать чуть ли не весь состав труппы. Но и названных имен достаточно, чтобы судить, как высоко театр держит славленное знамя реалистического искусства, насколько пышно и богато не расцветающего, как в советской стране. И оперный театр им. Станиславского, верный своим традициям, заслуженно может быть назван школой высшего актерского мастерства: ученики Станиславского доказывают это в своей практике повседневно и талантливо.

Георгий ПОЛЯНОВСКИЙ.

г. Москва.